

РАЗВИТИЕ ДУХА

Тому пристало, кто свой дух снимает с петель,
забыть об уваженье, о смиренности пустой.
Законам следуя до нужного предела,
пусть большинство из них он сбросит с
пьедестала,
традиции презрит, хранимой изначала
и скучной погнушится прямотой.
Искусству страсти обучившись мастерски,
пусть не боится разрушительного дела:
когда полдома разлетится на куски,
познанья путь ему откроет добродетель.

БУКЕТЫ

Полынь, дурман, цветы фасоли,
борца, болиголова, черемицы,
все горькие растения, все яды
пусть отдадут и листья, и цветы свои ужасные,
чтоб сделали из них огромные букеты
и возложили на алтарь великолепный:
да, на сверкающий алтарь из малахита,
принадлежащий дивной и жестокой Страсти.

УСЛЫШАВ О ЛЮБВИ

Когда ты о любви услышишь сильной,
то с ответом,
эстет, не медли. Счастлив будь,
не обижайся горько,
припомн все дела фантазии твоей: сначала
великие, потом помельче – ведь на свете этом
ты трогал, обнимал всё, что душа твоя желала. –
И, значит, не был обделён в любви своей
николько.

ЖЕЛАНЬЯ

Как мертвцов прекрасные тела не постарели,
но их закрыли, со слезами, в мавзолее светлом,
у изголовья розы, и в ногах цветы жасмина –
так и желанья, кажется, не достигая цели,
прошли, а вместе с ними,
неисполненна, невинна,
исчезла ночь любви,
и утро страсти стало пеплом.

НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ

Вокруг дома, районы, переулки –
я вижу вас, гуляю среди вас так много лет.

Я создал вас и в радости, и в горе:
тут было столько происшествий, столько дел.

Вы стали совершенным чувством для меня.

ИЗ ЯЩИКА СТОЛА

Искал я место в комнате, чтобы её повесить.

Но сырость в ящике стола её испортила.

Мне в рамку эту карточку не вставить.

Я должен был хранить её получше.

Но эти губы и лицо –
на день всего лишь, на один лишь час
вернуть бы их из прошлого.

Мне в рамку эту карточку не вставить.

Придётся любоваться отсыревшей.

Но если бы она не отсырела,
мне было бы тяжко ни единственным словом,
ни тоном голоса себя не выдать,
когда меня спросили бы о ней.

СКРЫТЫЕ ВЕЩИ

Изо всего, что сделал и сказал я,
пусть не пытаются понять, каким я был.
Препятствие вставало, изменяло
дела мои и образ жизни мой.

Препятствие вставало, не давало
заговорить мне – столько раз...

Из дел моих понезаметнее,
а также из писаний потуманнее –
оттуда лишь почувствуют, кем был я.

Но, может, изучение меня
таких трудов, такой заботы и не стоит.
Потом – в каком-то обществе посовершенней –
другой, устроенный, как я,
появится, конечно, и всё сделает свободно.